

Содержание

Предисловие	9
1. По крику петуха	17
2. Мыть или не мыть	36
3. Одевание	65
4. Завтрак	123
5. Образование	126
6. Обед	164
7. Мужская работа	199
8. Женская работа	229
9. Время играть	247
10. Ужин	300
11. И в постель	336
Благодарности	369
Библиография	372
Фотоматериалы	382

Предисловие

Последние двадцать пять лет я исследовала трудности повседневной жизни эпохи Тюдоров. Конечно, мне интересны и другие исторические периоды, но по-настоящему мое сердце принадлежит середине правления Елизаветы I. С одной стороны, меня восхищает «инаковость» мышления эпохи Тюдоров, с другой — занимают его отголоски, проникшие в современную жизнь: от поверья, наделяющего рыжеволосых людей горячим нравом, до порядка приема пищи, когда сначала подаются закуски, а затем основные блюда и десерты. Возможность написать об этом времени и поделиться своей любовью к XVI веку была удовольствием, сравнимым, пожалуй, с чувством, когда решишь ни в чем себе не отказывать, зайдя в кондитерскую.

Эпоха Тюдоров — сложное время, озаменованное несколькими значительными поворотами в британской истории. В одной книге не уместишь рассказ обо всех прожитых тогда жизнях, так что, безусловно, это скорее набор кадров из повседневной жизни отдельных людей в определенный период. Моя книга стала итогом стремления понять быт, мысли и заботы современников эпохи Тюдоров.

Когда в 1485 году на престол вступил Генрих Тюдор, в Англии проживало меньше 2 миллионов человек, а в Уэльсе — еще около полумиллиона (точных данных по Шотландии и Ирландии нет). К моменту смерти его внучки Елизаветы I в 1603 году совокупное население Англии и Уэльса выросло вдвое, достигнув около 4 миллионов человек. Свыше 90% из них проживали в сельской местности. Лондон в начале эпохи едва ли мог похвастаться населением более 50 тысяч человек, но к ее концу население его выросло вчетверо и достигло 200 тысяч. При этом лондонцы всегда составляли примерно половину всех городских жителей страны. Небольшое, но энергичное население столицы станет движущей силой английской культуры, а его идеи и образ жизни повлияют на последующую историю не только Британии, но и всего мира.

В этой книге я использовала термин «Британия» в качестве культурного концепта, а не политической реалии. Шотландия тогда была независимой; Уэльс на протяжении всей эпохи находился под контролем Англии, но формально две страны объединились только в 1536 году; а английская власть над Ирландией была удаленной, неполной и в целом неоднозначной. В политическом смысле лишь об Англии и Уэльсе разумнее говорить как о настоящем силовом блоке¹, а когда начинаешь изучать сохранившиеся свидетельства, возникает соблазн ограничиться одной лишь Англией, или даже Южной Англией, откуда происходит большая часть дошедших до нас сведений. Тем не менее я чувствую, что большая части Уэльса и, по крайней мере, некоторые области Ирландии и, без сомнения, Шотландия были связаны с Англией культурными свя-

¹ Речь идет о том, что лишь Англия и Уэльс были в то время действительно политически едины. — *Прим. науч. ред.*

зями, а образ жизни был очень схожим, так что писать только об Англии было бы неправильно.

Жизнь сельского общества, которое составляло большую часть населения, была организована в соответствии с типом землевладения. На вершине находилась аристократия. Ее составляли обладатели титулов пэров королевства. Они владели большими поместьями, в домохозяйствах которых могли проживать до 150 человек, и периодически перемещались между своими сельскими резиденциями и городским домом в Лондоне. Они вели светскую жизнь, обладали политической силой и властью. Ниже по статусу располагались джентри, чьи владения обычно были меньше и концентрировались в одном регионе. Официально джентльменами были те, кто имел право на родовой герб. Однако на практике джентри считали всех, кто жил в соответствии с общепринятыми стандартами: не занимался производительным трудом, владел землей и сдавал ее в аренду другим людям, содержал дом надлежащего размера, носил подобающую одежду и развлекался в надлежащей манере. Те, кого соседи называли джентльменами, могли похвастаться домом из шести или более комнат и несколькими слугами, занятыми домашними хлопотами. Они одевались в лучшие шерстяные сукна, отделанные шелком и мехами, на обед им подавали три-четыре мясных блюда, они обладали властью над местным сообществом и стремились занимать государственные должности.

Куда более многочисленной группой были йомены. Часто они арендовали землю у тех, кто был выше их по положению, хотя у многих были и свои наделы, которые они возделывали самостоятельно. Некоторые из них были зажиточнее джентри, но их образ жизни был неразрывно связан с земледелием. Большая часть их слуг была занята не домашним трудом или личными поручениями, а помо-

гала на фермах пахать землю и ухаживать за скотом. Некоторые йомены занимали низшие должности вроде церковного старосты или констебля, но чаще всего они были зажиточными фермерами. У них были дома из четырех-пяти комнат, они носили добротную шерстяную одежду и питались просто, но обильно.

Ниже по статусу располагались крестьяне (husbandmen), арендовавшие и возделывавшие куда меньшие наделы. Жилища их, как правило, состояли из двух комнат, а большая часть домашних хлопот лежала на членах их семей. Эта самая многочисленная социальная группа не могла позволить себе особенной роскоши.

Ниже их находились безземельные работники, которые были вынуждены наниматься на поденную работу к своим более зажиточным соседям. На протяжении интересующей нас эпохи их число постепенно росло: крестьянам было все труднее сохранять независимые наделы, и они пополняли ряды батраков. Их положение было шатким. Обычно они жили в однокомнатных домах, а их рацион в основном состоял из хлеба.

В среде крошечного городского населения иерархия была несколько иной. На верхних ее ярусах располагались купцы, занятые в международной торговле. Они занимали посты мэров, жили в больших, хорошо обставленных городских домах с множеством прислуги и иногда были на короткой ноге с землевладельческой элитой. Уровнем ниже находились прочие купцы, нанимающие учеников и слуг и ведущие чуть менее комфортный образ жизни, схожий с тем, что вели йомены. Еще ниже стояли ремесленники, которым помогали в работе подмастерья и члены семьи. В их домах, помимо мастерской, обычно была только одна или две комнаты. И совершенно так же, как и в сельской местности, внизу этой пирамиды находились поденные работники.

Экономика эпохи Тюдоров была в общем и целом денежной, и натуральный обмен был примерно так же мало распространен, как и в наше время, но за деньги приобретались совершенно другие товары. В домохозяйствах XXI века расходы на продукты питания обычно составляют около 17% от общего дохода, однако во время Тюдоров на еду приходилась большая часть, или около 80%, расходов. Чтобы понять, что означали деньги для ремесленника, мечтающего о новом плаще, лучше мыслить в категориях располагаемого дохода, который остается после того, как семья накормлена, а рента уплачена. Чтобы решить, покупать ли эль, сварить его самостоятельно или довольствоваться водой, жене крестьянина надо было сопоставить расходы. Разница между ними решала исход дела. В начале нашей эпохи квалифицированный мужчина мог зарабатывать на работе 4 пенса в день, а женщина — лишь половину этой суммы. К концу эпохи плата за квалифицированный труд обычно составляла уже 6 пенсов. Эти суммы — базовый уровень выживания маленькой семьи, постоянно занятой трудом. Этого достаточно, чтобы обеспечить себя незамысловатой дешевой едой и немногим более. Цены и средства можно измерять в сравнении именно с этим прожиточным уровнем.

Таковой была структура, в которой людям нужно было выживать и искать свое место.

Элите эпохи Тюдоров посвящено немало книг и исследований. Жизнь этих влиятельных людей хорошо отражена в источниках. Меня же всегда больше интересовали более скромные слои общества. Будучи вполне обыкновенным человеком, которому нужно есть и спать, я всегда хотела знать, как люди жили день ото дня, какими средствами располагали, какими навыками им нужно было овладеть и как они себя при этом чувствовали.

Двадцать пять лет назад я не смогла отыскать книгу, которая поведала бы мне об этих вещах, и даже сейчас, когда социальная история занимает академических историков куда сильнее, чем раньше, сведений по-прежнему ничтожно мало. Я решила самостоятельно в этом разобраться: искала рецепты той эпохи и пробовала по ним готовить, училась разводить костер и свежевать кроликов, стояла на одной ноге с учебником по танцам в руках, пытаюсь понять, каким должен быть следующий шаг. Чем больше я в это погружалась, тем больше сведений я находила в текстах, которые изучала. Те моменты, которые я раньше упускала, читая, как говорится, по диагонали, при ближайшем рассмотрении оказывались довольно важными, вызвали еще больше вопросов и побуждали исследовать вопрос дальше. Многие выводы о жизни в эпоху Тюдоров, повторяющиеся из раза в раз в самых авторитетных работах, оказались чистой воды фантазиями.

Возьмем для примера утверждение, что в эпоху Тюдоров пищу щедро сдабривали специями, чтобы перебить вкус плохого мяса. К счастью, сейчас никто не повторяет его как факт, однако много лет оно появлялось в учебных материалах и даже в преамбулах к работам некоторых самых уважаемых историков. Если немного подумать об этом и вспомнить случаи из собственной жизни, быстро станет понятно, что ничто не может замаскировать вкус испорченного мяса, что специи были куда дороже нового свежего куска мяса, а от гнилого мяса тошнит вне зависимости от его вкуса. Если расхожее мнение неверно и пища не была щедро сдобрена специями для маскировки вкуса, то была ли она вообще пряной? Эти размышления побуждали меня вернуться к декларациям учета ввозимых товаров, чтобы понять, как много специй доставляли в страну. А по немногим сохранившимся домашним счетам я могла посмотреть, сколько специй покупалось. Я снова просмо-

трела цены и размеры зарплат и стала с большим недоверием относиться к книгам рецептов и часто повторяемым истинам. Эти записи явно не отражали повседневный рацион. Скорее это было питание мечты той эпохи — в этих кулинарных книгах содержались рецепты самых роскошных, возделенных и модных блюд. Чтобы узнать, что ели люди, как готовили пищу, какой у нее был вкус, нужно было копать глубже.

Меня все больше затягивала паутина жизни, то, как все в ней связано, как взаимодействовали физический мир, идеи, верования и практика. С какой стати, например, кому-то считать, что привязанная к ступням селедка — лекарство от бессонницы? Прибегали ли к этому средству на самом деле, работало ли оно? Я поняла, что меня заинтересовал сам образ жизни той эпохи, поэтому книга представляет собой описание типичного дня человека тюдоровского времени. Она касается разных деталей, обыденных вещей, которые нам кажутся такими необычными.

Завещания и описи имущества¹ служат незаменимыми помощниками в охоте за сведениями о повседневных заботах, пусть это и не самый надежный исторический источник — они редко включают информацию о низших слоях населения и практически ничего не говорят о женщинах. Однако благодаря им можно получить представление о том, что было тогда обыденным. Они показывают отличия в образе жизни различных социальных групп в разных географических регионах. Иногда в них можно найти беглые намеки на мысли и чувства людей и информацию о семейных отношениях, например в случае с пекарем Джоном Абельсоном из Олни в Бекингемшире. В своем

¹ Здесь и далее речь о *probate inventories*, описях имущества, которые составлялись после смерти человека при утверждении завещания в специальном суде (*probate court*). — *Прим. науч. ред.*

завещании он позаботился о своей жене и шести детях, упомянув их всех — от проживающего в Лондоне взрослого сына до «безгрешной» дочери Элизабет. Эпитет «безгрешная» указывает на ее слабоумие; одному из ее братьев оставили значительное имущество при условии, что тот предоставит ей постоянное жилье. А в судебных протоколах содержится срез жизни людей в кризисные моменты, когда в поле зрения попадают их верования, суждения и поступки. В свидетельских показаниях часто фиксировалась даже настоящая речь людей. Записи коронеров повествуют о несчастных случаях и личных конфликтах, нарушающих повседневную жизнь. Книжки, памфлеты и баллады дают представление о мышлении более образованной мужской части общества, а их жалобы и нападки косвенно говорят нам о том, как их ценности и опыт отличались от ценностей и опыта других людей. Даже налоговые записи важны для наброска повседневной тюдоровской жизни: из них можно узнать о том, насколько распространены были дешевые расчески и как людям не хватало молотого перца.

Я опробовала на себе многие вещи из повседневности эпохи Тюдоров, подчас повторяла их по многу раз, пытаюсь отточить свои умения и экспериментирую, когда не могла однозначно истолковать какие-либо сведения. Я не утверждаю, что мне удалось до конца понять этот период истории, но сейчас я гораздо более полно представляю себе его реалии, поскольку начала изучать их много лет назад. Это непрерывно продолжающееся путешествие, которое я с удовольствием разделю с вами.

1

По крику петуха

Первым делом поутру, когда ты проснулся и хочешь встать, подними руку и благослови себя, перекрестись и произнеси *In nomine patris et filii et spiritus sancti, Amen*. Во имя отца и сына и святого духа, аминь. И если прочитаешь Отче наш, Аве Мария и Символ веры и помянешь Творца, тем будет лучше.

*Джон Фитцхерберт,
«Книга о хозяйстве»
(The Boke of Husbandry, 1533)*

Незадолго до рассвета петухи начинали свой утренний хор и люди поднимались с постелей. Лишь немногие из них проживали поодаль от «будильника» на скотном дворе. Подавляющее большинство жило в сельской местности. Города обычно были небольшими. Они перемежались сельскохозяйственными угодьями, а многие горожане по-прежнему держали кур и свиней на заднем дворе. Рогатый скот и овцы паслись на городских общинных угодьях, а петух и его курочки могли склевать червячка в любой навозной куче возле гостиничной конюшни или на окраине еженедельного скотного рынка. Лишь жителей Лондона и, возможно, Нориджа и Бристоля не беспокоило утреннее пение петухов со скотного двора.

Петушки начинают пение с самого первого проблеска в небе, задолго до того, как первые лучи прорвутся сквозь

горизонт. Люди, которые дожидались первых лучей света, считались сонями и рисковали вызвать беспокойство и жалобы скотины. Большинство вставало, когда небо бледнело, под звуки волнующихся птиц и животных. Поэтому летом день начинался в 4 часа утра, а глубокой зимой, когда не было смысла подниматься в кромешной ночной тьме, дневные дела откладывались до гораздо более позднего часа — 7 утра.

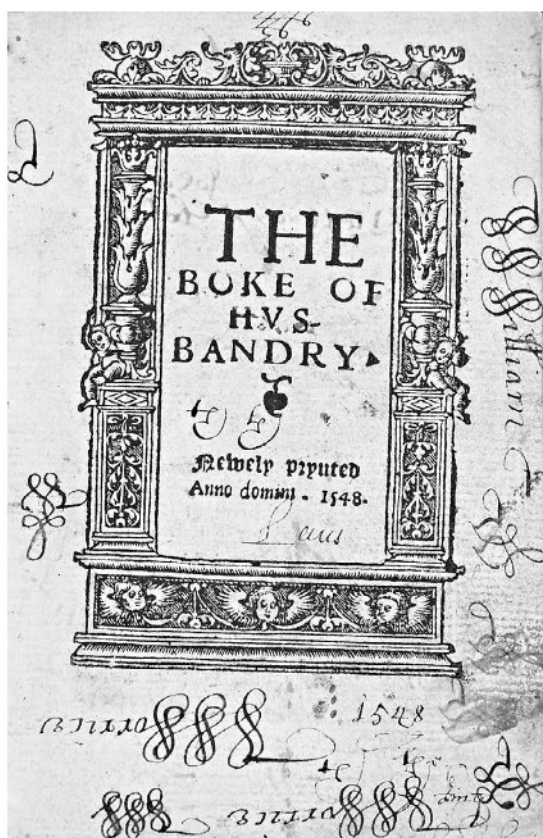

Рис. 1. Титульная страница одного из изданий «Книги о хозяйстве» (*The Booke of Husbandry*) Джона Фитцхерберта

Оконное стекло тогда было предметом роскоши, привилегией джентри и богатых купцов. Поэтому к большинству жителей первые серые предрассветные лучи проникали через ставни из промасленной ткани. Они защищали от дождя и самых сильных порывов ветра и пропускали внутрь немного света. У некоторых, однако, ставни были деревянными — они были более надежными и защищали от солнца, пропуская лишь тончайшие лучи света.

И если оконные стекла были редкостью, то шторы на окнах встречались еще реже. Занавески использовались не для окон, а для кровати. Владелец кровати с занавесками был настоящим счастливчиком. Комната в комнате — теплая, темная и уединенная; занавешенная кровать под балдахином была одним из самых востребованных и высоко ценимых предметов домашнего обихода в эпоху Тюдоров. После земельных владений и наличных денег кровать нередко оказывалась самым первым предметом, приходившим на ум составителям завещаний. В знаменитом завещании Шекспира, в котором он завещает свою вторую лучшую кровать жене Энн, иногда усматривают пренебрежение — символ разорванных отношений. Я же сомневаюсь, что так считала сама Энн или другие его домочадцы. И хотя лучшая кровать отошла его замужней дочери, он позаботился, чтобы жене было тепло и уютно в последние годы жизни.

Многие ночевали на кровати с балдахином в гостиницах, а у некоторых она может даже стоять и дома. Но в современных жилищах вряд ли можно насладиться всеми ее преимуществами. А теперь представьте комнату эпохи Тюдоров. Даже если на окнах были стекла, она все равно продувалась насквозь. При Тюдорах в домах редко бывали коридоры. Обычно, чтобы попасть в комнату, нужно было пройти через другие, так что люди сновали туда-сюда. А слуги и дети спали на других кроватях в той же комнате.

Даже в больших и богатых домах лишь у немногих были личные покои. Из-за отсутствия отдельных помещений для прислуги — а это архитектурное решение пришло позднее — даже в самых больших домах подчас были крайне многолюдные спальни. Домочадцы скорее делились по полу, а не по социальному статусу, так что мальчики и слуги спали в одной комнате, а девочки и служанки — в другой. А теперь представьте, что вы укрылись внутри своей личной палатки с толстыми обычно шерстяными шторами. Они заглушают чужой храп, сохраняют за ночь тепло и прячут вас от любопытных глаз и ушей.

Кровати сооружались из разных материалов, были разных форм и размеров. Я пробовала спать на всех: на простых кучах соломы на земляном полу; на нарах с мешками соломы, на грубых циновках; на деревянных складных кроватях; на раскладных кроватях на колесах с остовом из веревок, которые днем можно было задвигать под более крупные кроватные рамы; на матрасах из сена, оческов или шерсти и на перинах. На некоторых были лишь одеяла, на других — простыни, подушки, валики и покрывала. У некоторых кроватей с балдахином навес был деревянным, у других — тканевым. Я испробовала эти кровати в разные времена года, в двадцативосьмиградусную жару в самом разгаре лета и в снежную и морозную зиму, когда температура опускалась до десяти градусов Цельсия ниже нуля. Я спала на них в одиночку и в компании. И я могу с уверенностью сказать, что понимаю, почему кровать занимала центральное место в мыслях многих людей эпохи Тюдоров.

Чем более хитроумной была кровать, тем дороже она стоила. Кровати знатных особ — с пологам на четырех столбиках, с шелковыми драпировками, множеством матрасов, тонкими льняными простынями и широкими роскошными покрывалами — могли стоить дороже, чем все

хозяйство мелкого фермера. Йомены и крестьяне, жившие и работавшие на земле, обычно обходились деревянной постелью и матрасом из оческов или шерсти, а их работники и слуги спали хорошо если не на земле. Многим безземельным людям, особенно в начале этой эпохи, ложем служила обычная куча рассыпанной по полу соломы.

Спать на рассыпанной соломе на земляном полу в одежде неплохо. По крайней мере пару ночей, когда солома еще чистая, хорошо взбита и ее много. Но в долгосрочной перспективе это не лучшее решение. В домах водилось много мышей и крыс, да и солома забивалась под одежду. Скоро она начинала крошиться на мелкие кусочки и щепки, от которых чешется кожа. Труха многим причиняет неудобства, становится трудно содержать себя в чистоте. Намного лучше просто сложить солому в плотный тканый мешок и спать на нем, взбивая его каждый день. Если же вы запустите свою кровать, она скоро станет плоской и комковатой.

Слово «кровать» (bed) в тюдоровской Англии означало примерно то же самое, что современный «матрас» (mattress), так что наполненный соломой мешок был полноценной соломенной кроватью. Дополнительной доработкой была деревянная рама, которая поднимала матрас над полом. В описях и завещаниях она упоминалась как остов. Набитые сеном кровати гораздо комфортнее соломенных, поскольку сено — более мягкий и тонкий материал, но даже между различными сортами соломы есть отличия. Например, ячменная солома более удобна, чем пшеничная.

Многие люди тщательно отбирали не только основную часть соломы, но также собирали дополнительную набивку из соломы определенных растений, которые помогают лучше спать. Именно по этой причине целое семейство растений носит название «травяная набивка»

(bedstraw)¹. Лучшим из них считался подмаренник настоящий (Lady's bedstraw, «дамская набивка»), или *Galium verum*. Он хорош не только тем, что на нем мягко спать. Даже сухой и старый подмаренник пахнет свежескошенным сеном, что отпугивает насекомых, особенно блох и вшей. Если даже подмаренник не мог сохранить ночной покой и отпугнуть насекомых, то на помощь приходила пахучая сухая полынь. Комфورتу и гигиене способствовала также и регулярная смена постели — замена старой соломы на новую. Согласно медицинской теории того времени (в которую частично верят и сегодня), лаванда помогает спать крепче, так что горсть сушеной лаванды могли добавить в солому у изголовья кровати.

В начале эпохи у многих не было даже собственной соломённой кровати, и они просто спали на полу. Впрочем, все не так мрачно, как кажется. Во многих домах все же устилали пол камышом, поэтому потребность в мебели отпадала. Кроме того, жилой дом обычно отапливался открытым очагом в центре комнаты, который выпускал дым наружу. Такие центральные очаги хорошо прогревали внутреннее пространство. Все тепло оставалось дома, а не уходило в дымоход (дымоходы еще не были распространены повсеместно; в 1500 году они использовались почти исключительно в каменных замках и монастырях). Очаги были удобны и для готовки, поскольку были доступны со всех сторон. Однако в воздухе висел дым. И чем выше, тем его было больше. Если вы какое-то время пробудете в помещении с открытым огнем, то вскоре заметите четкий горизонт дыма. Ниже его — чистый и пригодный для дыхания воздух, а выше — наоборот. Поэтому приходилось жить под слоем дыма. Любая мебель, возвышающаяся

¹ В русской традиции этот род травянистых растений называют подмаренником из-за его красящих свойств. — *Прим. перев.*

вас над полом, здесь не помощник; лучше жить на полу, так что он должен быть теплым, сухим и удобным для сидения и сна.

Источники – от «Ста советов для хорошего хозяйства» Томаса Гассера (*A Hundreth Good Pointes of Husbandrie*, 1557) до поэм XIII века и пьес Шекспира – содержат множество упоминаний использования камыша как напольного покрытия. В 1515 году голландский гуманист Эразм Роттердамский написал в письме, что полы в английских домах «в целом смазаны белой глиной и покрыты камышом, который время от времени меняется, но это делается столь небрежно, что нижний слой остается нетронутым по двадцать лет и впитывает в себя плевки, рвоту, людскую и собачью мочу, пролитый эль, рыбные объедки и другие мерзости, которые не пристало и упоминать». Учитывая то, что это говорит человек, недовольный иностранными обычаями (далее он раздувает бурю об отвратительном, нездоровом влажном воздухе Англии), можно признать, что он описывает что-то похожее на современные ковровые покрытия. Их верхний слой чистят регулярно, но на них все же проливают напитки, их пачкают дети и животные, и ковер становится все более мерзким. Но оценить, насколько в действительности хороши (или плохи) покрытия из камыша, мне удалось благодаря экспериментам. Впервые я испытала такое покрытие в театре «Глобус». Эпоха Тюдоров донесла до нас рассказы о том, что сцены лондонских театров покрывали камышом. Вдохновившись этим, мы за приличные деньги купили свежий камыш и рассыпали его по деревянной сцене. Но вскоре стало ясно, что от этой травы много проблем. Ее длинные стебли цеплялись за юбки актеров-мужчин, играющих женских персонажей. Тогда мы порезали ситник на более короткие кусочки. Это помогло, но актерам по-прежнему было трудно двигаться на такой поверхности. Мы гадали,

был ли слой камыша слишком тонок, нужно ли было ограждение типа бордюра, которое не позволяло бы траве разлетаться, но наш бюджет больше не позволял нам экспериментировать.

Мне довелось вновь испробовать камыш во время работы над программой о строительстве замков. В моем распоряжении был однокомнатный дом с деревянным каркасом, земляным полом и очагом, а на болотах поблизости рос камыш. Я поняла, что его лучше укладывать пучками, а не просто использовать отдельные стебли, и толщина слоя травы должна быть не меньше двух дюймов¹, чтобы камыш оставался на месте и образовывал единую поверхность. Так как вокруг были стены, камыш лежал плотным слоем и не разлетался, как тогда на театральной сцене; и он ни разу не зацепился за мою юбку. Когда камыш высыхает, он начинает желтеть, а потом постепенно рассыпается и крошится на пыльные соломинки. Но если его время от времени смачивать, то он сохраняет гибкость, бледно-зеленый цвет и свежий аромат, напоминающий огуречный. Дополнительным преимуществом было то, что он не загорался, когда на него попадали искры от огня. Поскольку мы сидели и лежали на камыше, я никогда не мочила его до состояния сырости. Я лишь слегка обрызгивала его из садовой лейки каждые несколько дней.

Когда слой камыша на полу стал толщиной шесть дюймов, на полу стало по-настоящему комфортно спать. Ситник — хороший изолятор, так что я не чувствовала холода земли, а толщина слоя гарантировала упругую и мягкую постель. Все, что мне было нужно, — лишь пара одеял. Это хорошо помогает осмыслить организацию спальных мест, детальное описание которых можно найти в средневековых источниках и таковых тюдоровского времени. Когда

¹ 1 дюйм равен 2,54 см. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

писали, что большинство домочадцев спят на полу в большом зале, это выглядело именно так. Представив кровати или даже свернутые в рулон спальные мешки, которые нужно раскладывать и собирать каждый день, вы зададитесь вопросом, где их хранили днем. С полом из камыша с этим не было никаких проблем. В одном сундуке могут храниться одеяла для шести-семи человек, так что подготовить помещение ко сну было чрезвычайно просто.

Когда замок строился уже шесть месяцев, я осмотрела состояние камыша. Не все из нас ночевали на нем каждый день, но мы с коллегами постоянно использовали его во время съемок и после: на нем стояли и сидели, ходили и работали. На нем немало готовили и много пили. Вы, конечно, догадываетесь, как много всего на него попадало. С нами поселилась курица, которая прямо на этом полу вывела цыплят. Прогнать ее мы не решились, и от цыплят, разумеется, было много грязи. Кроме того, одна мышь постоянно покушалась на сундук с зерном. Но никаких следов этой деятельности совершенно не было заметно. Неудивительно, что поверхность оставалась чистой. Отходы просто падали между стеблями ситника и были недоступны взгляду, запаху и уму. За все время, что мы были там, мы ни разу не замечали запаха или грязи. Но когда под конец я стала его вычищать, то ожидала увидеть на дне грязную жижу. Ее там не было. Там было чисто и сладко пахло. Никаких следов насекомых и грызунов. Земля была чистой и сохранила свой обычный запах, а нижний слой камыша разрушился и превратился в суховатый, волокнистый компост. Там не было плесени, гнили, слизи или какой-нибудь грязи. Не знаю, во что бы это все превратилось через двадцать лет, но даже сам Эразм намекает, что лишь в редких домах нижний слой оставляли нетронутым так долго. Мне стало ясно, что пол из камыша можно сохранять чистым и удобным, не прилагая больших усилий.